

Спасский Григорий Иванович (сентябрь 1783 — 29 апреля 1864), историк, археолог, член-корреспондент С.-Петербургской АН (1810).

Родился в Рязанской губернии, в семье священника. После окончания духовной семинарии переехал в Петербург (1800), работал переписчиком в Берг-коллегии, посещал лекции в Академии наук, вступил в «Общество любителей наук, словесности и художеств». В 1803 г. был приглашен на службу томским губернатором В.С. Хвостовым. Работал в Красноярске, Кузнецке, с мая 1806 г. — в Бийском уездном суде. С 1810 по 1817 г. служил на Кольвано-Воскресенских заводах. В 1817 г. перевелся в Санкт-Петербург, служил в Горной экспедиции Кабинета.

Основал первый в России краеведческий журнал, который с 1818 по 1824 г. выходил под названием «Сибирский вестник». С 1825 по 1827 г. под названием «Азиатский вестник, содержащий в себе избранные сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшие сведения». Научно-литературный журнал, редактировал и издавал сам Г.И. Спасский, в нем печатались статьи по истории, географии, искусству и литературе стран Азии. По богатству и разнообразию материалов «Азиатский вестник» был одним из наиболее содержательных журналов своего времени.

«Письма из Сибири» вышли в журнале «Азиатский вестник» в 1825 г. Несмотря на то, что статья не подписана, исследователи предполагают, что автором был Г.И. Спасский.

[Г.И. Спасский]
ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ
(Продолжение)

XVIII

Бараба, 15 мая 1810 года

Урал исчез из моих глаз, коль скоро я тронулся по дороге к Далматову монастырю, синеющие вершины его скрылись столь же близко, как надгробные мавзолеи Александроневского кладбища скрываются за его воротами; один шаг тут и там, чтобы потерять из вида памятники человеческой пышности и творческого величия.

В воспоминаниях одной тоскующей души оставался Урал, пока не открылись на смену другие картины. Косогоры, речки, луга, пашни, деревни, каменные церкви, и жители в довольстве и беззаботно живущие; вот картины, и особенно последние, которые желательно было бы видеть во всем человеческом роде!

Я проехал подле белокаменных победоносных стен монастыря Далматова, и с почтением смотрел на простреленные во многих местах, но не сдавшие врата. Обитель имела некогда своих героев, как и добрых подвижников.

Среди открытых прелестных мест, какими могут гордиться Шадринский и Курганский уезды, сопровождал меня по правую руку Исетский холмистый кряж. Беспреданно то приближаясь, то удаляясь, он привлекал меня, как безмолвный незнакомец, который благородною осанкой и чистым взглядом трогает наблюдателя.

Тамошние крестьянки, как известные пряжи и ткальи, обыкновенно предлагают проезжему холсты, тонкие и ноские, но не так, за сходную цену. «Для чего вы дорожитесь?» — случалось мне спрашивать. — «Все, сударь, стало дорого». — «Но у вас свой хлеб, свои льняные семена, свои поля, свои же труды и руки». — «А китайку, тафту, ленты, платки мы покупаем во сколько раз дороже?» И так изменения торгового курса высчитываются безграмотными крестьянками столь же понятно, как и сметливым торговцем. И так то, в чем условливаются шепотком на Рижской бирже и в Кяхте, немного спустя произносится за Исетскими кроснами!

Уже я проехал Ялуторовский и Ишимский уезды, сии житницы Тобольской губернии, и некогда пастбища Великой Венгрии, которая в первых христианских столетиях, основавшись по Ембе и Яику, вероятно, к северу ограничивалась здешними лугами и озерами¹. Весна здесь казалась мне более

¹ Происхождение и древнее местопребывание венгров, донныне не имеют еще точного определения. Сам Шлецер говорит: «Итак, наверное, маджары (венгры) вышли не из Турфана, а из Финского мира. Но мир этот удивительно обширен от Финмархии до Урал[ь]ского хребта, от Ледовитого моря до Двины и Урала. Из которой же части онаго выведем мы их? Из западной? Действительно, были люди, которые мечтали о Лапонии и Карелии. Но Нестор именно выводит их с

приметною, по живой заботливости крестьян, которыми поправлялись сохи и бороны. Я не без труда переехал разлившийся Иртыш, и потом погряз в Барабинской степи, которую справедливее было бы назвать болотом, простирающимся на 500 верст.

Дорога не сделалась бы лучшею, если бы я стал доказывать, что Бараба, по вероятностям низменности, топкой и неутвердившейся почвы, и по множеству тлетворных озер, походит на обсыхающее дно большого озера, некогда тут разливавшегося. Если заселение Барабы, за сорок лет совершившееся, по усмотрению Д.И. Чичерина, одного из славных сибирских губернаторов, останется долговременным свидетельством попечительного управления; то осушение сего тракта, через спуск вод озерных и болотных в протекающие речки, было бы самое общепольное дело, содействующее благосостоянию поселенцев, видам торговли и хозяйству всей Сибири. Тогда уничтожилось бы гнездо скотской заразы, почти ежегодно свирепствующей по Барабе, и распространяющей зло по окрестным уездам двух губерний.

Сколь ни безвыгодно состояние барабинцев, терпящих от сырости, от заразы и от миллионов насекомых; однако же случилось мне в Пермской губернии видеть рекрут с Барабы, при воспоминании о родине заливающихся слезами. О, Отечество!

Не Альпы, облаков достигающие, при подошве коих пасутся стада; не пригорки Андалузии, среди виноградных лоз ослабляющей; не климат Италии, вина и масла точащей; не земля Аттики, по бессмертным именам Саламина и Марафона навеки незабвенной; но первые взоры души около себя, но первые крошки чувствований, и капли слез, под отеческим кровом сладко обсыхающих, назначают чувствительному существу Отечество. Под этим-то пеплом физических и нравственных впечатлений тлится на всю жизнь любовь к отечеству, и сей дым, где бы человек ни странствовал, не перестанет для него благоухать.

XIX

Барнаул, 21 мая

Разговор, какой имел я в Каинске с одним сведущим купцом, доставил мне лучшее заключение о состоянии Барабы, нежели какое рождается при первом взгляде. По его вычислению, ежегодно вывозят из Каинской округи в другие весом хлеба до 4 000, масла коровьего 3 000, сала 2 000, рыбы сухой около 2 000 и мерзлой зимою до 5 000 пудов; та и другая из озер Чанов, да сырых кож чис-

Востока, а многие говорят особенно о Волге, из-за которой они пришли. Только и в этом восточном Финском мире есть еще слишком великое, неопределенное пространство; от устья большой Печоры до Урала верно есть 200 немецких миль, на котором расположено множество *видов* одного народного племени. Не вывести ли нам венгров ближе всего от угров и вогулов? Этому верили русские, которые даже не отличали их от последних особенным названием». Нестор, перевод с немец. Д.И. Языковым. Ч. 2. Стр. 356 и 357. Изд[атель].

лом до 2 000, и горностаев до 50 000¹. Если страна болотная и кое-как возделанная, отделяет в торг сверх продовольствия столько произведений, и при толь малом числе жителей, которых во всем уезде не более 9 000 душ, то чего бы нельзя ожидать при лучшем ее обрабатывании, и при большей населенности?

Но еще должно ли неограниченно предаваться благовидной мысли усиливать население Сибири, которая ныне кроме собственного употребления почти всюду рассылает свои меха, и, согревая не одно государство, тем самым содержит и себя в прочих потребностях? Вопрос сей стоил бы лучшего рассмотрения, нежели какое здесь вы увидите.

При настоящих наблюдениях надобно принять за неоспоримое: 1) что северная часть Сибири, начиная с 58° широты, не производит хлеба, даже для собственного продовольствия; 2) что самая южная часть, от р. Канна к востоку, подвержена бывает неизбежным неурожаям, по причине высокого каменистого и, следственно, холодного положения земной поверхности; 3) что южная также сторона Тобольской губернии подлежит неурожаям, в одно время с тою же полосой Пермской губернии; 4) что по сему самому народонаселение восточное и западное может быть обеспечиваемо в неурожайные годы, хлебородием одной южной полосы Томской губернии. Из чего и следует вопрос, до какого количества может увеличена быть населенность на полуденной Томской площади? Сие искомое число решит и другие вопросы, т.е. до какой степени должно назначить количества населенности в прочих отделениях Сибири, непостоянно урожайных. Но и сие первое решение не может почтяться безусловным потому, что впредь, при усиленной населенности, за верность толиких урожаев нельзя ручаться, если наука земледелия не подаст своей руки тамошним пашням. Второе решение в рассуждении северной Сибири будет основываться на прикладе известного усмотрения, что тем больше звериных промыслов, чем умереннее населенность.

Как бы то ни было, через несколько дней явился я у реки Оби, которая в весеннем торжественном шествии еще не переставала теснить дороги, мосты, берега и лес. Жаль, что не поспел к полному ее разливу; но и в эту пору нельзя было без забывчивости смотреть на пучину, повелительно текущую и шумную гармонию, заглушающую все — и разговор и хохот. Так празднуют, думал я, свои именины большие реки!

Я слышал как Екатерина Законодательница торжествовала Свое Царское двадцатипятилетие. Я видел, как великолепная столица Александра торжествовала первое свое столетие. Я читал, как Рим праздновал при Августе новое, по повелению, столетие; а при Филиппе — тысячелетие. Вся, говорят, пышность римских богатств и художеств была истощена при том и другом праздни-

¹ Не худо записать для будущих сравнений, что в 1810 году покупались на месте,

Пуд хлеба	2 руб. 18 коп.
[Пуд] кор[оровьего] масла около	4 [руб.]
[Пуд] сала около	1 [руб.] 50 [коп.]
Кожа сырая	.2 [руб.] 50 [коп.]
1 000 шкурок горностаев	40 [руб.]

ке; но нельзя не заметить, что блестящие остатки всего того уцелели только в бессмертной песне Римского Державина*.

XX

Змеиногорский рудник, 5 июня

Оставя Барнаул, где мне показывали плавку серебра, библиотеку, лабораторию, превосходное собрание окрестных видов, с природы снятых художником Петровым¹, минеральный кабинет и проч. Оставя сей главный завод, и, рас-

* *Goracia in carmine seculari.*

¹ Императорской Академии художеств академик и гиттенфервалтер 10 класса Василий Прокопьевич Петров, получив первоначальное образование в С.-Петербургском театральном училище, в 1787 г. поступил в С.-Петербургский горный корпус учителем рисования, а в 1801 г., будучи в чине берггешворена 12 класса, по Именному Высочайшему указу, данному Кабинету, причислен к Эрмитажу в звании мастера живописи и рисования, и в том же году по другому Высочайшему указу назначен на Уральские и Сибирские заводы и рудники для снятия внешних и внутренних видов оных.

Петров по желанию своему сначала отправлен был на Кольвано-Воскресенские заводы, куда прибыл он 21 марта 1802 года, а 5 июня пустился прямо к Риддерскому руднику, лежащему в самых Алтайских белках. «Здесь, — пишет он, — начал я мои работы и занимался ими по разным местам белков, чем ближе к Китайской границе, тем более возвышающихся, потом продолжал свои занятия по рекам Бухтарме и Иртышу до Семипалатной, а кончил Змеевом (Змеиногор[ский] руд[ник]). В 45 ясных дней, бывших во все продолжение моего странствования, я снял с природы 25 видов. Конечно, я мог бы иметь еще более успеха; но с одной стороны, перемена погоды на белках, случающаяся несколько раз в один день, с другой — затруднительная, опасная переправа чрез утесы, лога и пребыстрые реки, а на самых вершинах белков нестерпимый холод, ветры и туманы, отнимали у меня много времени. Случалось в один день встречать при подошве белков красное лето, на половине суровую осень, а на верху вечную зиму. Видов прелестнейших и величественных здесь столь много, что для снятия и отделки их целой жизни недостаточно, а при всем том нет к тому и удобств; ибо при вступлении в страну белков путешественник лишается всех выгод: он должен ездить верхом и возить на вьючных лошадях все потребности, с трудом укрываться от ненастья в палатке за каменьями. Признаюсь, что весьма часто, к крайнему моему прискорбию, карандаш выпадал из рук моих».

В следующем 1802 году отправлен он был в Забайкальский край. Там, кроме достопримечательнейших видов местоположений и других предметов, сделал он собрание снятых им с природы бурятских костюмов и самых лиц, в коих соблюдена им столь разительная точность, что несмотря на малый размер, лицезображения бурятов можно почесть настоящими портретами. Сверх того снял он внешний и внутренний виды Бурятских кумирней и заготовил также почти все части для картины богослужения в кумирне.

По возвращении же в 1804 году опять в Барнаул, он приступил к отделке собранных им в Кольвани и Даурии видов и к снятию внутренности Барнаулского плавильного завода с костюмами мастеровых.

Некоторые из конченных Петровым сибирских видов, представлены были Государю Императору и удостоены Высочайшего воззрения и щедрот Монарших. Один из видов доставил ему звание академика в Императорской Академии Художеств.

Художник сей, обладая столь отличными дарованиями, имел несчастье быть одержимым ипохондриею и кончить жизнь свою от усилившейся в нем сей болезни. Он умер 14 марта 1811 года. Из смысла оставленного им письма и образа выражений в нем видно, что он был перед смертью в сильном расстройстве духа.

Некоторые из снятых Петровым видов находятся в горном корпусе, другие в Кабинете Его Величества вместе с эскизами оных и множеством изображений разных предметов. *Изд.*

кланявшись с И.И. Эллерсом¹, который по мере просвещения и по философической простоте займет свое место в памяти людей, я отправился к Змеиногоскому руднику.

Нельзя было скоро расстаться с приятною мыслью, что в [с]толь отдаленном углу случилось видеть многих горных чиновников, достойных по своим знаниям и качествам всякого почтения, где бы они ни жили. Подобные воспоминания, которыми любит услаждаться наедине наша душа, оживляли пустоту незнакомой дороги; и дорога при благорастворении воздуха и при новых естественных видах, не могла быть неприятною.

При озере Кольвани я пробыл с час; какое это картинное озеро! На левой стороне дороги видишь как бы искусственный водоем, обсаженный разными красами природы, а на правой продолжение окрестности, в том же рисунке и вкусе.

К югу озеро окружается грядою гор невысоких и скромных, по местам своими гребнями выказывающихся, одна из-за другой. На низу по самому берегу раскиданы инде столповидные фигуры, инде парные веревы, как бы ворот открытых; а тут на равнине брошены особые небольшие толщи, которые с одной стороны оттушованы мхом и налетелою пылью, с другой же подобраны выемками, как бы выработанными долговременною морскою волною; и надобно ли изъяснять, что все каменные украшения, творческой бережливости, сложены из разрушенного гранита? Я не могу оставить абриса, не промолвя, что во всей этой картине каждый предмет, дерево ли или камень, самое их положение, расстояние, умеренная величина, размерены особым эстетическим масштабом и обрисованы легкой перспективной кистью.

XXI

Оттуда же, 8 июня

Змеевский завод и сам рудник имеют свое положение на высокой площади, со всех сторон однако ж окруженной горами. Вы, верно, опасаетесь, чтобы не стал я пересказывать новости о здешней 70-летней шахте, о годовой проплавке серебряной руды, о ее породе, о содержании серебра, о роштейне, о флютвере, какой здесь устроен вместо обыкновенного заводского пруда и

¹ Обер-берггауптман 5 класса и Кавалер Иван Иванович Эллерс родился в С.-Петербурге в 1766 г. Отец его был иностранец, серебряных дел мастер. Службу начал он по артиллерии в 1780 г., а с 1783 поступил в лабораторию С.-Петербургского монетного двора, продолжая между тем обучаться в горном училище на собственном иждивении. С 1786 по 1790 г. находился на Кольванских заводах при разных должностях. В 1790 г. отправлен был в чужие края для замечания горного производства, а по возвращении оттуда в 1794 г. послан был в Колу за осмотром и разработкою золотых и серебряных приисков по берегам Белого и Ледовитого морей. В 1795 г. определен опять в Кольвань, где управлял Алейским заводом. В 1797 г. перешел в ведомство Государственной Берг-Коллегии и находился за грииском руд в Урале. В 1801 определен членом Берг-Коллегии, а в 1802 г. старшим членом Екатеринбургского Горного начальства. В 1802 Высочайше утвержден Начальником Нерчинских заводов, а в 1809 г. по Высочайшему указу поступил Начальником Кольвано-Воскресенских заводов и управлял ими по 1817 год. В 1820 г. от службы уволен с пенсионом по три тысячи рублей. В 1821 г. умер на 55 году своей жизни и погребен в С.-Петербурге на Волковском кладбище. Болезнь, кою издавна был одержим он, и горсть о смерти любимой им супруги, рано свели его в могилу, к истинному сожалению его родных и почитателей. *Изд.*

проч.; нет, я скажу только о новой чугунной дороге, в первый раз мною виденной на деле. Она устроена обер-бергмейстером г[осподином] Фроловым¹ от рудника до завода, на 700 саж[еней] длины, для легчайшей возки руд². Чугунные линии, по которым катятся колеса, сделаны выпуклыми, следственно, шины колес должны быть вогнуты.

Вы можете вообразить тут же и прекрасную прогулку, которую мне посчастливилось иметь с самим строителем дороги, и разговаривать о замужестве Ярославовой дочери за французского короля, тем с большим удовольствием, что он знаком с историею лучше меня. Говорено было также о Шлецеровых изъяснениях на нашего Нестора; и нельзя было не допустить, что знаменитый Шлецер в сем труде явился больше полигистором, нежели сколько нужно для дела. Ученые Германии не любят, как известно, прятать свою ученость.

На досуге я всходил на Караульную сопку, чтобы взглянуть на окрестности. По подолу горы, и выше по ней, растут шиповник, акация и алтайская жимолость, пленяющая своими то розовыми, то лилейными лепестками. Когда поднялся наверх, окрестные горы, незадолго возносившиеся, смирились перед моим взором, который уже равнял себя с горами высшими, отсюда восстававшими. К востоку, из-за всех волнистых возвышений, синели Коргонские белки. Совокупный сей вид был бы великолепен, если бы единство зрелища не было раздроблено вмешивающимися окружными видами.

Не то же ли бывает в изящной словесности, при подобном излишестве красоты? Как напротив нравственность, с умножением своих разнообразных усилий, становится тем почтеннее и возвышеннее.

¹ Петр Козьмин Фролов, ныне обер-берггауптман 4 класса и орденов Св. Владимира 2 степени и Св. Анны 2 степени Кавалер, Томский гражданский губернатор и Начальник Колывано-Воскресенских горных заводов.

² Предметом устройства сей дороги было доставление руд Змеиногорского рудника, не стоящих, по убогому содержанию в них серебра перевозки в дальние заводы, в построенный там завод. Количество руд для расплавки в сем заводе назначалось до одного миллиона, коих перевозкою следовало бы задолжить приписных крестьян, на основании заводских учреждений, до 1 078 душ. Дорога сия ведена по вырытому углублению от 1 до 2 сажень глубиною 441, на сваях 175, по поверхности земли 16 и над ложбиною речки Корбалихи на 20 каменных столбах в 5 сажень вышиною 137 сажень, всего 769 сажень; а с двумя боковыми флигелями, одного вверх Корбалихи в 72, другого вниз в 25, длина дороги составит 866 сажень. Падения же имеет она одну шестую часть дюйма на каждый фут, или одну сажень на 72 сажени. Дорога сия состоит из чугунных полос (грифов), длиною в 4 1/2 фута, толщиною в 3 и малая часть для твердого грунта в 2 1/2 дюйма, коих верхняя часть имеет выпуклость, по которой движутся колесцы в 14 дюймов в поперечнике и вогнуты во всю окружность свою. Одна лошадь везет по ней в каждый раз три тележки или ящика, вмещающие грузу до 500 пудов, кроме ящиков, кои составляют до 100 пудов. Передний путь совершается в 59, обратный в 30 минут, а оба пути в 1 час 29 минут. В день одна лошадь перевозит сею дорогой 4 000 пудов, заменяя 25 лошадей. Перевозка производится только в течение пяти летних месяцев. Строение дороги продолжалось с 1806 по 1810 год. Издержек проишло на оную до 12 486 рублей. Желательно, чтобы сей пример возбудил и в других местах России охоту, особенно по горным заводам, к строению подобных дорог. Чугунная дорога перед каналом имеет ту выгоду, что может проведена быть во всяком месте по прямому направлению и по ней всегда, если потребует надобность, может производиться перевозка, кроме остановок за поправлением оной, между тем как сообщение по каналам прекращается летом от недостатка воды, а зимою по причине льда, и при том в канале везомые тяжести подвержены потоплению. Преимущество же чугунной дороги против обыкновенной, хотя бы наилучшим образом устроенной очевидно, и состоит как в сокращении времени, так и в уменьшении путевых издержек. *Изд.*

Усть-Каменогорская крепость 15 июня

Путь мой до крепости Усть-Каменогорской лежал чрез старообрядческие деревни, изобильные землею, следственно, хлебом и скотом. Одна ветвь промышленности, именно пчеловодство, которым обязан здешний край благодетельной заботливости покойного *Н.Ф. Аршеневского*, особенно полюбилась крестьянам и другим жителям, из которых иные уже считают в своих пасаках до 300 ульев. За 15 лет Сибирь покупала казанской мед и воск в Ирбите, а ныне из Бийского уезда в Ирбит отвозят сего произведения до 5 000 пудов.

Жители здешние, как трудолюбивые, наслаждаются изобилием, благодеиствием и климатом пиитическим. Благотворное небо и зрелище живописных гор, какие рисуются между *Выдрихи* и *Секисовки*, должны возвышать орган зрения и украшать воображение. Я ехал в повозке закинутой от дневного зноя, и случайно открывшись, нашел себя посреди картины, столь великолепной и очаровательной, что не мог усидеть и не бросить рук вперед, как будто бы хотел измерить величину необъятной картинной рамы. Тут стада, по равнине к водам бегущие, тут при подошве горы многочисленная деревня, там синеющиеся хребты, к востоку за 90 верст *Ульбинские белки*, сиянием снегов обольщающие в самой дальности своего расстояния, к югу, также снежные с проталинами горы, серебрящиеся светом и финифтью. Не молнии ли, говорил я про себя, не молнии ли там развились, и опочили на лучезарных вершинах в этот палящий день? Не черты ли это бессмертия, блистающие для поэта и живописца?

Здесь бы Пуссен, трепещущий от радости, выложил краски и палитру, и отчаиваясь одной кистью собрать толикие богатства, не усомнился бы разделить с Вернетом *широту* славы. Они при закате и восходе солнечном, в бурю и в появление радуги, словом, во все *преложения* атмосферы и во все времена, подражая разнообразной природе, они произвели бы для *роскошного* глаза галерею ландшафтов, пастушеских и поэматических.

Пусть живописцы устанавливают свои мольберты; а я, пользуясь пространными завоеваниями Ермака Тимофеевича, успел на другой день увидеть отрывок хребта *Улук-тага*, *Аблайкит*, и целую станцию любовался сим видом, перед мною стоявшим неподвижно. Эта группа гребенчатых гор, за Иртышем в Киргиз-Кайсацкой степи стоящая, представляет издали фасад огромного готического замка. Наши жители называют его *Монастырями*, вероятно, понаслышке, что тут бывало *Калмыцкое капище*. Как жаль, что нельзя туда приближаться, когда всякий может чувствовать, что при свободном разъезде по пространству упраздненной *Зюнгории*, можно бы открыть много развалин исторических.

В предместьи крепости, не без чувствительности, вы увидели бы надгробие *Аршеневского*, мужа благонамеренного, который не однажды из-за Урала выписывал ульи пчел, и когда они развелись, дарил их крестьянам-домоводцам.

XXIII

Зырянковский рудник, 22 июня

Чтобы увидеть серебряный Зырянковский рудник, надлежало через ущелья и горы, и через горы и ущелья туда пробираться верховою дорогой; а достигнув рудника, захотел я углубиться далее во внутренность Алтая, и Столбовая гора, на 50 верст оттуда отстоящая, была гранью моего любопытства.

Речки, крутые косогоры, подъемы, спуски и другие неудовольствия были побеждены, кажется, для одного страха ночевать у подножия горы Столбовой, так названной по столбовидности ее верхов. Я скрылся от насекомых под полог, и при вечернем мерцании, и при болтливости падающих речек наслаждался новым чувством уединения, как бы вне общества, потом разыскивал удовольствие независимости, и готовился заключить, что надобно иметь слишком плодовитую голову, или слишком отрешенное сердце, чтобы решиться предпочитать мудрость уединения дурачеству мирскому, как между тем подъехал, на наши огни, один из звероловов, осматривавший свои скрытые батареи против зверей. Отшельники рады были гостю.

Разумеется, что он долго нам повествовал о биографии разных зверей, о некрологии медведей, на брани с ним живот свой положивших, и с сожалением вспоминал, что за 15 лет на том урочище, где мы ночевать расположились, бывало так много кровожадных зверей, что в каждый приезд доводилось ловцам с неприятелями решить спор, по праву искуснейшего, или сильнейшего.

Полутру, с первым рассветом, мы поднимались на гору верхом по известной отлогости, и сделали верст пять, как надлежало оставить лошадей, и продолжать путь пешком. Береза, ель и пихта покрывали поверхность подгорья и нагорья, по разлогам были видны различные травы, на горе находили мы довольно ревенной травы, которою после и утоляли жажду; а сама гора сгромождена из скал гранита, кроме которого на поверхности попадался роговой сланец и кварц.

При восхождении солнца я уже отдыхал на обрубке одной западной скалы, которая с сей стороны может почтяться барельефом природным. Хребты гор безыменных, и частью названных, в глубоком безмолвии предстали мне в разных линиях зрения; с севера хребет Холзун, а к югу хребет Курчумский просияли своими снегами. Сумрак еще отделял долину от высоты, в которой свет уже загорался. Подгорная юдоль, где был наш ночлег, сверху представлялась иначе, в какой-то незнакомой дали; я знал, что по разломам горы низвергались снежные потоки, прорывавшиеся из-под упавших скал, но грохот их до меня не доходил. И звук, и движение, казалось, престали в вышине; один всемирный жених в безмолвном велелепии шествовал выше, выше к небу, и помавал покойному созерцанию. Какая тишина, какая живописная тишина повсюду! Все рисуется, все дышит и все молчит. Присутствующие толщи, как и громады отсутствующие, все тут немолвствуют. Призываю на мысль Москву, столь шумную, столь одушевленную Москву; и она для меня не слышна, подобно как Пальмира. Понятия богатства и пышности, столько тяготеющие над душою среди градской жизни, тут проясняются, реденут и почти исчезают. Я призываю на память славу человеческую, и что ж? Жужжание насекомого, летавшего

около уха, живее трогало мое существо, нежели заглохлый шум этой славы. В мечтании последовательном переносу из Эллады колоссальные изваяния то Юпитера Фидиасова, то Юноны Поликлетовой, ставлю попеременно, то или другое на противоположную обнаженную гору, испытываю их величие на неподвижном мольберте, и дознаю, что величие славных рукотворений, при малой перемене угла зрения, теряет всякую гармонию с глазом. И так стоит сделать только шаг от круга человеческого, чтобы запутанный в условия ум воззвать от очарования мнений и истины! И так стоит только передвинуть понятия, сблизить или расставить их, чтобы изменить уверения, временем или опытом утвержденные! Вот и причина, для чего свет ставит в одну испытанную точку наслаждения и богатства, прелести и вкус, таланты и искусства, зрелища и весь пир страстей! То есть для того, чтобы Прометея, как поучает глубокая баснь, приковать к великолепной вершине Кавказа, и потом предать его всем ужасам терзания, для того... Но когда ослабляющийся жених востока рассыпал свое золото по откосам гор, как и по верхам, когда ближние скалы расписались красками дневной прелести, я смутился в тоне чувствований, и пошел далее, чтобы еще подняться выше.

Одна безобразная скала представлялась нам вблизи, но чем ближе подходили к ней, тем более надлежало обходить, пока, наконец, вовсе она отделилась широкою стремниной. Несколько подобных движений делали мы в разные стороны, и удостоверились, что на высоте между большими предметами, глаз явно погрешает в расстояниях.

Побуждаемые жаждою, мы спешили утолить ее снегом, который показывался невдалеке и не так высоко; но разлом горы и тут опять встал навстречу. Услышанное однако ж[e] журчание потока решило спуститься в стремнину, заваленную скалой, версты на полторы книзу рассыпавшеюся. Долго перескакивали или перелезали с камня на камень, доискиваясь воды, под нами журчащей, но звук течения только что продолжал нас обольщать.

Безнадежность в успехе заставила нас вычислять глазами первоначальную высоту скалы, которой остаток и теперь не ниже 50 сажений. Рассыпавшиеся камни еще не опушены пылью, из чего можно было догадываться о времени низвержения скалы. Может быть, она пала за тысячу лет; за тысячу лет российская история по некоторым писаниям помнит кое-что о Гостомысле, если только он был.

Не так явственны бывают следы падения народов. Недалеко отсюда слылся народ уйгуры; неоднократно монголы, в разных своих переворотах, завладевали окрестностями Алтая; было время, когда здесь царствовали то авары, то турки и, напоследок, китайцы; было здесь время и другим грозным племенам. Давно ли также здесь провозглашалось державное имя Зюнгории; но где следы владычествовавших народов, где следы их, не восходя к безвестным временам великой Скифии?

Алтайские горы! Я мечтаю видеть разбросанные на ваших вершинах многие листы истории человеческой; но мне ли их подбирать?

XXIV

Бухтарминская крепость, 28 июня

Прежде нежели вы услышите о крепости Бухтарминской, дозвольте упомянуть, что быстрая и прозрачная р. Бухтарма, наполненная переборами, и потому к водоходу неудобная, бежит среди крутых и гористых берегов. Иногда приятно было смотреть, как дикие козы стрелою мчались по обнаженным косогорам, и чуть очнувшись, с тою же ветреной легкостью опять пускались. Пугливость прелестна при прытких ногах!

За 12 верст от крепости, я любопытствовал посмотреть пещеру, горизонтально с землею на 3 сажени простирающуюся внутрь известковой горы. Сказывают, что при ее отверстии по сторонам были высечены древние неизвестные письмена, которые в 1805 году стесаны... Какой буквальной перевод! К счастью эти письмена заранее были срисованы¹. Нет сомнения, что надпись, с фронтона пещеры стесанная, свидетельствует о бытии древнего грамотного народа, каковы были уйгуры.

В крепости которая стоит на невысоком гранитном берегу Бухтармы, показывали мне диковинку: два следа конского копыта и два следа человеческой ноги, тиснутые на одной гранитной береговой плите, с чистою отпечаткою даже всех пальцев². Не здесь ли в баснословную старину Девкалион бросал за себя камни, и камни превращались то в людей, то в лошадей? Если принять это за шутку, как же бы изъяснить в родословной человека видимые боковые колена?

Лет десять, как здесь учреждена полная таможня. Не принимая в счет здешних жителей, все отправляющие внешнюю сибирскую торговлю и другие, которые любят судить о сей части, могут быть разделены на два толка, на бухтарминцев и кяхтинцев, из коих последние утверждают единство и неделимость Кяхты, а первые желают для Бухтармы равных по торговле успехов. Угодно ли послушать их доводы. Кяхтинцы судят: 1) что удвоив, или утроив число торговых отверстий на Китайской границе, нельзя с тем вместе надеяться соответственного расширения торгового потока потому, что количество главных отпускных товаров остается то же; 2) что даже допустив умножение отпускных товаров, все должно вымени-

¹ В атласе *Сибирского вестника* 1818 г. помещен с оных снимок. Изд.

² Прилагаю здесь изображение этой диковинки и сообщаю сказанное мною об ней в Путешествии по южным Алтайским горам в 1809 году (см. Сиб. вест[ник] 1818 г. Ч. III, с. 14): «На берегу Иртыша подле самого крепостного вала (Бухтарминской крепости) находится вещь достопамятная и любопытная для всякого путешественника. Это два следа человеческие: один длиною в 5, другой в 2 1/2 вершка и несколько копыт обыкновенной величины, тиснутые на гранитном камне, имеющем в длину 4, а в ширину 3 аршина. Точность и соразмерность их заставила некоторых почитать оные настоящими оттисками ног, тогда, как по предположению их, камень был еще мягок; но киргизы, без дальних околичностей, называют большой след *Адамовым*, и (хотя по контуру скорее можно было оной почтить следом *Евы*) и сохраняют к нему особенное уважение. Оставляя в стороне первое простодушное мнение и суеверие киргизов, нельзя однако же сказать, чтобы сии следы произведены были в новейшее время; ибо таковой подлог не укрылся бы от внимания киргизов, которые издавна поблизости здешнего места кочуют, и мог бы известен быть русским. Вероятно, они принадлежат к числу тех древних памятников, которые во многих местах предки оставили изысканию потомства. Может быть, в сей вещи, по-видимому, малозначительной, заключается важное историческое событие, или предмет, относящийся к вере древних обитателей». Подобными предметами доньше еще в некоторых странах Азии, коварство лам и имамов уловляет щедрость легкомысленных мошельщиков. Изд.

вать китайку и чай, две требующиеся статьи, которых и при настоящих ограниченных выменах некуда сбывать; 3) что чрез разделение сократив торг и склонение к Кяхте, отнимутся к немаловажному вреду на толь большом пространстве дороги прибытки провоза и продовольствия, а с тем и жители сего тракта оскудеют. На все то бухтарминцы отвечают: 1) что с умножением торговых *дверей* в обширные владения Китая, без сомнения увеличатся требования наших отпусков, следственно и местные их количества должны у нас приумножиться так, что улов одной иртышской белки мог бы тогда поверстаться с целым кяхтинским отпуском; 2) что можно выменивать серебро, чрез Кантон в Китай вливающееся, если бы не сходно было принимать чай, бумажные и шелковые материи; 3) что придорожные жители, изобилуя землями и угодыями, не в таком находятся состоянии, чтобы заботиться в пользу их возвышать цены товаров от излишнего провоза; что товары из ближайших рук взятые, далее и может быть за Вислу могли б через наше посредство идти при уменьшении провозных издержек. Изложив суждения двух спорных сторон, я с[о] своей стороны, хотел бы применить только два обстоятельства, одно неизвестное, что издержки заграничного провоза, от месторождения товаров до Бухтармы, испытаны ли и сравнены ли? — другое известное, что при разных торговых отверстиях, китайцам трудно бы стало удерживать самовластие в ценах, как ныне бывает на Кяхте. Почему, для торгующих на Кяхте и Бухтарме, не было б слишком бедственно падение нашего курса при западных биржах¹.

Бедственно падение курса! С удивлением подхватил один догматической голос, когда при другом разговоре обнаруживалось насчет курса подобное же суждение. Он продолжал подкреплять свое удивление следующим вопросом: в отдаленной стране, какова Сибирь, где небольшое число людей употребляет иностранные изделия, где нет роскоши, ни пристрастия к заморским вещам и вкусам, где не только при обыкновенных сделках тонким знанием курса не подрывают ассигнованного рубля, но в случае надобности, сомневаясь платить дороже за серебряный рубль, не думают наверстывать свои потери при прочих делах торговых, может ли действовать европейской курс на состояние цен?

Я старался отвечать, и сам прибегнул к житейскому вопросу: отчего же дороговизна даже в хлебе становится приметною в Сибири? Тогда упрямый голос настоял: в Сибири, где земледельческие орудия по соседству с заводами не могут быть дороги, где крестьянская роскошь удовлетворяется не из Риги, ведущей курсовые расчеты, где зерно не отпускается за море или за границу, может ли и должен ли вздорожать хлеб от влияния курса? Я желал, признаться,

¹ Прибавление к предыдущему от бухтарманца: 1) Бухтарминская крепость, находясь по близости одной из судоходных рек (Иртыша), в центре, так сказать, некоторых торговых городов России и Азиатских государств, представляет такие выгоды для обширной торговли каких, можно сказать решительно, не имеет ни Кяхта и ни одно из прочих пограничных мест в Сибири; 2) купцы внутренних российских городов, производящие торговлю на Кяхте, сверх приобретения удобства пути к Бухтарминской крепости, сократили бы оный до 2 500 верст и избежав опасной и часто невозможной переправы через Байкал, более нежели на 1 000 верст могли бы пользоваться низовым водяным ходом, который между Тобольском и Кяхтою, по многим непреодолимым затруднениям почти совсем оставлен, несмотря на высокие цены, платимые за сухопутную перевозку товаров между Кяхтою и Тюменью, на пространстве 3 700 верст; наконец, 3) распространение торговли, заняв оною большее число торгующих изгнало бы всякую монополию, а уменьшение провозной платы значительно понизило бы цены на товары. *Изд.*

сократить вопросы и заключил разговор похвалою славных разговоров о хлебном *торге* Аб. Гальяни, потом сел на судно, которое с грузом зырянской руды несло по р. Иртышу до кр[епо]сти Усть-Каменогорской.

XXV

Коргонское селение, 8 июля

Уже я на Коргоне. Какая удивительная речка, этот *Коргон*! В засуху не глубже аршина, и всадник на бывалой лошади с робостию пускается вброд; прибывает ли она на четверть, и лошадь и всадник вмиг опрокидываются возрастающим от упора всплеском, и оба раздробляются о камни. Коргон гремит, пенится, клубится, кружит камни и заглушает голос приближающегося человека. В таком бешенстве пробегает 30 верст до впадения в *Чарыш*; это не река, а водопад, на тридцати верстах грохочущий. Каков же должен быть этот водопад весною, когда хляби *Коргонских* белков раскрываются, и с[о] своих крутизн падают в прорыв?

Точно в прорыв, потому что Коргон одним насилием расторг себе ворота между безчисленных и громадных гор, которые, быв перерваны речкою, продолжают свой кряж прямолинейно и на другом берегу, сохраняя и породу камня и другие условия тождества. Сей невероятный пролом, которым, по-видимому, раздвоены горы, изумляющееся воображение тем легче предполагает, чем ближе, один подле другого, лежат сии разнородные кряжи, и чем правильнее проходят их продолжения.

Вот порядок, в каком следуют сии кряжи, речкою раздвояемые: шиферные, гранитные, яшмовые, — цвета темно-багрового и тут же одного красного, — порфиновые с полем темно-багровым, красным, светло-красным, темно-кофейным, — опять яшмовые струистые с различною тенью, к исподу кряжа древовидные, как бы в массу были набросаны белые щепы (?), тут же и серо-фиолетовая яшма, — опять яшмовые темно-багровые с зелеными крапинами, далее известковые, — еще далее яшмовые же с белыми полосами и темного цвета. Между толикими богатствами и красотами я не знаю, чему более удивляться? И вот место каменоломни, откуда отправляются водою колоссальные части гор, в Кольванскую гранильную фабрику¹.

Истинно не знаю, чему более удивляться, чудесному ли порядку неизмеримых, так сказать, кладовых, расположенных по двум набережным на 30 верст простирающимся? Огромности ли сих драгоценных и навеки неисчерпаемых кладовых? Разнообразию ли богатств, в каждом из кряжей постепенно открываемых, когда по сие время коснулись только *сигнатуры* гор? Восторгу ли искусств, не домышляющихся ни отделять назначаемых цельных глыб, ни вообразить соразмерного механизма для обработки колоссальных украшений? Или великолепию и блеску Российского престола, под ступени которого и Алтай поверг [с]толь огромные и [с]толь пышные горы!

Возвращаясь из-за реки, я ночевал в хижине мастерового. Безумолчный грохот Коргона поминутно пробуж[д]ал меня; не изображение ли это человека в пылком возрасте? О, поток, некогда пенившийся и столь же безвестный поток

¹ В *Сибирском вестнике* 1819 г. помещены сведения как о сей фабрике, так и об изделиях ее. *Изд.*

жизни моей, ты промчался уже по своей крутизне, и теперь течешь по равнине: да будет падение твое впредь умереннее, иногда плавно, иногда быстро, но не быстрее падения Чарыша!

XXVI

Деревня Чагирская, 19 июля

Чарыш, приняв в себя Коргон и некоторую смелость сей реки, усеян по дну и по берегам наносными добычами яшмы, порфира и агата. Какое изобилие в богатствах, никем здесь не уважаемых — изобилие в таких камнях, твердость которых московский вельможа не без гордости вверил бы свой славный герб, дабы иметь большую печать!

Между Тулатинским форпостом и деревнею Тулатою идет верст на шесть кряж мягкого сланца. На обратном пути я взошел по сланцевым обломкам, и на стене утеса написал год и свое имя, подобно как Олег на вратах Царь-града повесил свой щит. Посмейтесь бессильному, суетному подражанию! Первый дождь, без сомнения, смоем мой вензель, да и щит Олегов висит ли до сего дня, хотя так и написано в летописи?

Далее деревня Чагирская, за 15 верст от р. Белой отстоящая, мне крайне понравилась местоположением и выгодным, и прекрасным. Долина, двумя быстрыми речками орошаемая, окружается с разных сторон известковыми горами. Земледелие, пчеловодство и скотоводство тут в самом цветущем состоянии. Во время зноя скот, как бы опасаясь загореть, — уходит прохладиться и лакомиться на те косогоры, которые посменно бывают в тени солнца. Мне сдается, что на этих красивых паствах, не легко было бы Меркурию отогнать стадо и потихоньку с Аполлона снять колчан, и что Чагиру не удастся на своих косогорах увидеть Аполлона, в сердцах расхохотавшегося.

Callidum, quidquid placuit jocoso
condere furto.
Te, boves olim uisi reddidisses
Per dolum amotas, puerum minaci
Voce dum terret, viduus pharetra
Risit Apollo.

Крестьяне слышали о печатном извещении, какое издано со стороны Внутреннего Министерства, в рассуждении испанских овец; теперь сожалеют, что не решились записаться в число охотников, по опытам своего овцеводства смекая, что Чагирское местоположение было бы самое благоприятнейшее для разведения мериносов. Будет время, что не только мериносы, но и суконные фабрики заведутся по всей этой параллели. Овцеводство наших калмыков, овцеводство заграничное и осведомление о разведении испанских овец со временем привлекут сюда капиталы предприимчивых людей.

XXVII

Колывань, 15 июля

Гранильная фабрика в Колывани устроена по образцу Петергофской. Там искусство ожидает к себе камней или миниатюрных или недоработанных, а здесь надлежит иметь в виду Коргон и колоссальные произведения¹. Большая чаша, подобная той, какая была подарена французскому правительству, при мне отделялась от руки. Важный труд, с каким отработывается утварь роскоши. Желательно, чтобы в художественном произведении сквозила черта легкости.

У здешних гранильщиков заезжий охотник может покупать печати халцедоновые или агатовые, табакерки из яшмы или порфира и т.п. Скучное поощрение к искусству; а потому и искусство незатейливо!²

XXVIII

Оттуда же, 17 июля

К числу высоких гранитных гор, какие есть в здешнем крае, принадлежит Синюха. Она вся почти, кроме вершины, покрыта лесом, травами, а из плодородных растений малиною и кислицею (смородиною). Гранитные проросли, препоясывающие нагорную поверхность, инде проходят наподобие зубчатой стены, в наклоненном положении.

Поднявшись на верхнюю точку, и особливо на камень, где водружен деревянный крест, я кругом себя увидел, на разных перифериях, многие знакомые предметы моего путешествия. Колыванскую фабрику, серый дым Змеевских плавилен, озеро Колывань, Барнаульские сосновые боры, Тигерецкие белки и всю нераздельную волнистую возвышенность, рябеющую наподобие океана³.

Кстати, увидел вас, вожделенные предметы любопытства, чувствования и отрады! В последний раз приветствую вас взором и мыслию. Предметы эстетические, вы в течение нескольких недель наполняли меня новыми образами мироздания, вы украшали воображение чертами живописными и поддерживали

¹ Изделия Колыванской гранильной фабрики по огромности своей и редкости камней, по красоте форм и чистой отделке, обращали всегда на себя особенное внимание знатоков и любителей изящного. Но отработанные во время управления Колывано-Воскресенскими горными заводами нынешнего Начальника Г[осподина], обер-берггауптмана 4 класса и Кавалера П.К. Фролова, соединяют все сии качества в высшей степени. Таковы, напр[имер]: 1. Эллипсическая чаша из ревневской зеленоволнистой яшмы, привезенная сюда в 1820 году, коей по величине едва ли в свете есть подобная, особенно из столь твердой и красивой породы камня. Она имеет длины 4 $\frac{1}{4}$ арш[ина] ширины 2 арш[ина] 14 верш[ков] вышины с ножкою и цоколем 2 арш[ина] 1 верш[ок], а вес ее составляет до 127 $\frac{1}{2}$ пуд[ов]. Верхний карниз сей чаши украшен яблоками, а ножка раковинами, весьма тщательно вырезанными. (Рисунок оной помещен в XIII ч[асти]. Сиб[ирского] Вест[ника] 1821). 2. Канделябры из коргонской серо-фиолетовой яшмы, вышиною в 4 арш[ина] 5 $\frac{1}{2}$ верш[ков]. Они доставлены сюда в 1825 году. Листья, яблоки и карнизы, выработанные на сих канделябрах чисто и правильно, как на мраморе, свидетельствуют о необыкновенном усовершенствовании каменорезного искусства в Колывани. *Изд.*

² Сколько известно, то и частные поделки здешних гранильщиков не уступают екатеринбургским, хотя для сбыту их, живя в стороне от проезжей дороги, не имеют они столько удобства. *Изд.*

³ Синюха или Синяя сопка получила название от синеющейся издали вершины своей. Она имеет высоту по барометрическому измерению, от протекающей при подошве ее речки Белой 347, а от поверхности далеко отстоящего моря до 428 сажень. *Изд.*

душу в свободном и независимом от гордости человеческой самодействии. В самодействии! Не гордость ли это, тем более преступная, что в ту же минуту сам с негодованием произношу о гордости людской?

Нет, я должен бы самого себя подвергнуть допросу: улучшилось ли нравственное чувство, после толиких воззрений на великолепные виды? Напутствовала ли меня хотя одна из первоначальных истин, давно мною исповеданных? Колеблющаяся воля остановилась ли с твердостью на пути, истине и жизни? Не раз уже восхожу на высоты гор, то же делал я на Урале и Кавказе, но какой плод? Зеленый червь, пресмыкающийся у корешка былия, чем бывает совершеннее, когда вьется вверх по стеблю?

Нет, нет — предметы очаровательные, вы только разливаете отраву под видом утонченности, вкуса и изящности? Предметы эстетические, вы только прельщаете любующуюся собою душу, и соблазняете ее к самодельным мечтаниям! Отпечатки ваши подозрительны. Вы направляете ум к мимоиущим абрисам, к абрисам стирающимся, и охлаждаете внимание к живоначальным истинам, погребенным среди людей, как среди мертвых костей.

И так истинный разум, пред святынею религии, осуждает кичливые восторги ума! И так он раздирает пылкие рукописания витийства, помававшего воспалению страстей! Раздирает и торжественные песни, воспетые в честь блестящего, но ложного счастья! И так он произносит смертный приговор и облеченным прелестью мечтаниям и высокопарным созерцаниям души; но уже ли и созерцаниям той души, которая трогалась величием творения, которая свидетельствовала о дивных произведениях в вещественном мире, и не дерзала косноязычествовать о Верховной Причине?

Нет, это было бы слишком грозно. Невинные слова, если бы им случилось кануть на бумагу, не услышатся на суде позднего времени; страницы мои изомнутся в руках приятельских¹. Но где вы — вы, великолепные горы, за месяц пленявшие меня лучезарною белизной? Вы или, наконец, померкли от солнечной теплоты, или теряетесь в океане переливающихся возвышений. Не преподаете ли тем живого поучения человеческому честолюбию, которое возмечтало бы в расстоянии времени блистать собою? Возвещайте же истину ничтожности душам гордым и ненасытным; возвещайте мужам, что их головы скоро убелятся, как ваши вершины, старцам, что их головы не увенчаются юностью, и, наконец, что от нас самих зависит убелить и увенчать дела наши.

[Спасский Г.И.] Письма из Сибири // Азиатский вестник. 1825. Кн. 7. С. 42–59; Кн. 9. С. 183–192; Кн. 10. С. 243–256; Кн. 11. С. 365–370.

¹ Сии письма первоначально названы были: *Несколько сибирских страниц.*